

БОНХОЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Turning against the self

fall mud death/prose

БОНХОЛ БОНХОЛ
Turning against the self

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бонхол Б.

Turning against the self / Б. Бонхол — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Вспомните себя безработного, вспомните себя в школе, вспомните любимую и нелюбимую работу, вспомните свои настоящие желания, не навязанные обществом и не переданные родителями. Есть ли у вас дети и какие у вас с ними отношения? То, что ежесекундно происходит практически на ваших глазах, чаще всего остаётся скрытым от большинства. Потому что большинство принимает "правила" и с этого момента закрывает глаза. Настоящая любовь - это насилие. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Когда я был хорошим?	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Когда я был хорошим?

Па сидит в ванной, вода льётся на него сверху, он не заткнул сливное отверстие пробкой и ванна не наполняется. В правой руке у него топорик fiskars, в прошлом году легко украденный из леруа мерлен.

Кожа на пальцах сморщилась от горячей воды. Па вспоминает пизду своей жены – тогда, лет 10 назад, первые несколько раз, когда она ещё гладко выбривалась перед встречей с ним, мурашки от выщипанных волос, краснота, раздражение на молодой коже. Две небольших булавки в клиторе, его окровавленный язык, размазывающий кровь по тёмным соскам.

Она всасывала его язык и кусала, чтобы кровь не останавливалась. Всасывала и плевала ему в лицо этими кровавыми сгустками, и размазывала, и снова слизывала. <А однажды она вытащила одну из двух булавок и скрепила свои губы, чтобы я не смог целовать её. Она и сейчас ненавидит мои поцелуи.>

Теперь так не поиграешь, теперь у Па и Ма есть Анни, дочь, уже подросток. Сейчас нельзя, а пять-шесть лет назад ещё было можно, Анни, скорее всего, не понимала, что там у Па и Ма и как, и зачем; и сколько простыней было застирано и потом выкинуто (потому что не отстирать или застирать до дыр) после попыток возбуждения болью, унижениями и кровью. <Мы использовали её вместо собственной смазки.>

Сейчас Па не возбуждается, вспоминая это. Он распарен, откинулся на спинку ванной и часто моргает от пота, который залил глаза.

Из-за двери приглушенно (соседи, как всегда, дома) звучит очередной баттл или подобие, истеричка в мужском теле отчаянно верещит,

—
Да лучше ебани мне кривой разрез до хрустящей корочки -

Это лучше, чем твоё рождение, школа с первого по девятый, ебля, деградация, работа твоей мамкой в "Пятёрочке".

—
<Работа твоей мамкой в "Пятёрочке", хорошо, когда заточены ножички и иголки> – Па по инерции продолжает глупые рифмы, протирая ногой запотевшее зеркало.

—
Я разложу твои тексты на части и внутри не окажется смысла,
Уберу все палочки, оставив нули – это и есть твои настоящие числа,
блядь.
(unnamed song playing)

—
<Это и есть глубокая чистка..>.

Па кладёт правую руку на бортик ванной, подумав, погибает все пальцы, кроме безымянного. Резко опускает топорик fiskars на этот палец. Кость не перебивается с первого раза, со второго удара фаланга отлетает в стену, а топорик fiskars, неудержанный, теперь уже неудержимый, падает на ляжку Па. Порез неглубокий.

Па заранее приготовил бинты, перекись водорода, вату и прочую медицинскую херню для любителей. Па крутит кран, чтобы потекла ледяная вода. Засовывает под струю обрубок с обручальным кольцом. Па бьётся в судорогах и в спазмах, одной рукой не прикрывает две раны одновременно, не хватает сил, чтобы подняться и холодить только обрубок и ступни ног, <так холодно, что я сейчас обоссусь >, и Па ссыт под себя, вода вбирает кровь и мочу, лезвие топорика fiskars бликует, солнечные зайчики скачут по стенам, отсвечивая красноватым мехом. Рука немеет от холода, моча согревает – ненадолго – замёрзшие пятки.

Дома никого, Па не торопится, укутывая обрубок с кольцом и ища на полу второй, с ногтем. Ма придёт не раньше восьми, Анни вообще хуй знает где и Па всё равно, где это хуй знает где находится. Обрубок с ногтем не удаётся поднять с первого раза, он выскальзывает и падает в ванну, отвратительно перекатываясь с одного бока на другой. Па злится, приседает на одно колено и всё-таки вылавливает омертвевшую фалангу, как <да что ж это, блядь, такое, сука> тут же повязка так сильно пережимает рану на ляжке, что практически остановившаяся кровь начинает снова протекать сквозь серый бинт. Стуча кулаком в стену, выложенную голубой плиткой, Па трясёт раненой ногой. Положив фалангу без кольца в раковину, он заново перевязывает рану. Закончив, надевает трусы, выкидывает полпальца в форточку и убирает топорик fiskars к остальным инструментам. Ненужной тряпочкой оттирает брызги в ванной, расстилает на полу коврик, который предварительно убрал, и идёт выкидывать мусор. В пакете только ненужная тряпочка.

Позже Па встретит Ма и расскажет, как резал рыбу, чтобы приготовить роллы, рыба красная – форель или сёмга – как она любит, и нож соскочил, <скользкая рыбка попалась>, и вот – теперь он урод без половины пальца. Ма вскрикнет, <да не надо скорую, успокойся, успокойся же ты>, её стошнит на большое черно-белое блюдо, полное роллов (и нет на них никакой крови, ни капельки, нет на этих роллах и правды от Па, ну так теперь они и в рот Ма не полезут, весь труд котам на улице) и она завалится на пол, пачкая платье, газовую плиту, свои ожидания от вечера дома после работы.

Па её поднимет, уложит на их диван (а есть ещё кровать Анни и другие спальные места), а Ма разревётся, <сейчас я принесу тебе плед>, не пойдёт в душ и уснёт в испачканном платье. Через два часа придёт Анни, но ужинать ей будет нечем.

Па полубезработный – в основном его содержит Ма. Его и Анни. Ма говорит, что это ничего, что не это главное, Па себя накручивает и угнетает и иногда обстановка накаляется до прохладной прорезиненной ручки того самого топорика fiskars. Па отрубает боль, разрезает её и так она меньше чувствуется или уходит совсем. Хватит ли Па своих частей тела?

Сможет ли Па научиться не вредить себе, а заодно и – косвенно – Ма, которая уже не верит, что мёртвая рыба или хлеб, который точно не может сопротивляться, рубят и кромсают её мужа с определённой периодичностью, которую она пока что до конца не просчитала. Ма любит свою работу, но вообще хотела бы чего-то другого, где отдача от выполнения действий больше, а результат – нагляднее. Когда польза от нескольких часов, проведённых в офисном кресле, перекрывает усталость и голова приятно гудит от мыслей и идей, и пора спать, потому что день закончился и нужно отдохнуть, чтобы завтра не сделать глупых ошибок. Анни и Па далеки от того, что делает Ма, но ей приятно, что они у неё есть. Покалеченный, неразговорчивая и одна жизнь на всех.

Па не ревнует Ма ни к кому, а у неё есть какая-то фантомная ревность к девушкам Па из его прошлого, каких-то она даже знает лично, потому что Па поддерживает с ними отношения, точнее, они с ним, пробиваясь иногда через его инертность и безразличие. И может быть им – этим девушкам из прошлого – это нужно, и может быть – что вероятнее всего – это лишь инерция. Инертность и инерция. И Ма верит, что однажды кто-нибудь из них всех всё-таки сделает шаг вперёд и невысказанные вслух договорённости потеряют силу. Ма не боится, она просто хочет не знать, если что-то случится, хочет оставаться в неведении насчёт совместных планов Па и девушек из прошлого. Счастливая семья не строится на домыслах и подозрениях, а Ма, Па и Анни счастливы. Только каждый по-своему.

Ма думает о других мужчинах, может фантазировать, сидя в ванной и направляя струю в пизду (преимущество многорежимной насадки), но при мысли о том, что её рука будет направлять в пизду не безобидную струю, а другой член, который точно не член Па, она, как обычно бывает в любых стрессовых для неё ситуациях, закрывает рот рукой и бежит в туалет (часто не успевает добежать). Мужчины в её фантазиях не имеют членов.

Скорее всего, теперь Па бесплоден. И он, и Ма хотели и второго ребёнка, хотят и сейчас, прикладывают усилия, любые, кроме медицинских. Ма не любит больницы и у неё нет времени, чтобы тестироваться, Па смотрит на цены в прайсе какой-нибудь клиники и уверенность в том, что эти тесты ему не нужны, резко усиливается. Па три года говорит о спермограмме, но результатов её нет, нет трактовки теста и последующих назначений. Па кончает в унитаз и очередная порция биоматериала попадает в канализацию. Зато не нужно тратить на презервативы.

Па и Ма – молодые родители. Оба выглядят хорошо и моложе своих лет. В выходной Ма они едут в парк или в торговый центр. Па в пальто, волосы зачёсаны назад, недельная щетина (Па бреется раз в две недели); Ма, когда не работает, надевает то, в чём удобно, пусть даже вещи не сочетаются между собой, Ма больше ценит гармонию внутри. Если Па и Ма в парке, то обычно они быстро мёрзнут (даже летом), идут в магазин за продуктами и едут обратно домой. Если Па и Ма в торговом центре, то времени они там проводят больше, чем в парке, только вот вход в парк бесплатный, а в магазинах всё время остаются их деньги, её деньги, хоть она и получает взамен вещи, косметику или пятый уже плед из икеи. Ма легко тратит – потому что не считает, сколько осталось, домашнюю бухгалтерию ведёт Па, каждый месяц получается немного откладывать, если Анни не ворует. Анни ворует не только деньги.

Анни ворует их секс. Анни ворует эти 5-7 актов в месяц (когда у Ма есть время, она не устала и не начались месячные), оставляя жалкие 2-3. Это не вина Анни – Ма мнительна, Ма считает, что Анни подглядывает и подслушивает.

Ма считает, что секс и ребёнок в доме, ребёнок любого возраста, которого ОНА родила, несовместимы. Ма крупно заблуждается.

Анни не любит школу, любит время, проведённое среди умственных огрызков. Но сама она не такая, не такая и не другая – сама по себе. Анни тяготит жизнь с Па и Ма, но возможности жить отдельно у неё сейчас нет. И не будет в течение долгого (никаких сомнений) неопределённого периода. У Анни светлые волосы, которые она красит то в голубой, то в фиолетовый, то смешивает цвета – под настроение, которое у подростков меняется часто, резко и без особой причины. Анни, конечно же, протестует.

Ма скучает по маленькой Анни – по тому периоду с трёх до восьми лет – когда о любви не нужно было спрашивать, как сейчас; когда Анни сама приходила и целовала Ма в щёчку, и обнимала, залезала на диван, устраивалась рядом и смотрела те же сериалы, что Ма и Па, не понимая (Ма в этом ошибается) смысла. Ма, наверное, думает что Анни была интересна картинка, что Анни – кот или собачка, слова не имеют значения, а картинка постоянно меняется – тут движение рукой, там поворот головы, открываются холодильники и умирают больные в дорогих халатах. Картинка меняется и меняются детали на экране, Анни вот-вот прыгнет на этот экран, уронив вазочку с глупым цветком, и проходит минута или полчаса, но Анни не прыгает и не разбивает вазочку. Анни – человек. Когда ей становится скучно, она закрывает вкладку в браузере. Вазочка остаётся на месте.

Ма и Па пропустили взросление Анни. Ма работала, Па тоже в то время работал постоянно. Анни не нуждалась в круглосуточном наблюдении, не было ничего такого, чего она не умела бы. Умела, но не хотела – это уже другой вопрос. Не хотела быть контролируемой, подвластной, управляемой. И всё время держала дистанцию между собой и родителями. Вот Ма и грустит и вздыхает в обеденный перерыв, доедая невкусный бизнес-ланч, Ма чувствует себя максимально далёкой и от бизнеса, и от тех стран, откуда заимствовано второе слово. Ма отказывается понимать, что от неё дистанцировались осознанно.

Ма и сама знает, как держать дистанцию. Сначала задать длину, удерживать её, увеличивать или укорачивать – Ма так делает с Па, когда считает, что он слишком назойлив. У Ма стекленеют глаза, взгляд направлен в одну точку, она просит оставить её одну, ложится на диван, укрывается пледом или одеялом. Иногда Ма плачет и предлагает развестись.

Па не представляет, как это вообще возможно. Па идёт на кухню, садится за стол, прокручивает ленты соцсетей, прокручивает в голове картинки: вот он снова один, такой же, как десять лет назад – у него ещё много волос на голове (сейчас Па лысеет, но проблемы из этого не делает), у него есть низкооплачиваемая работа, есть девушки, которые платят за него и за транспорт, когда Па нужно после ночи, проведённой у одной из них, ехать домой. Па ненадолго покоряется сонной эйфории, идёт в туалет и дробит на прошедшее время. Эйфория уходит с последней каплей спермы.

Потом Ма оттаивает, приходит к Па и они молча обнимаются. Па боится развода, потому что только сейчас прошлое было, а теперь его снова нет; Ма тоже боится развода, но других аргументов для успокоения Па у неё нет (не считать же аргументом обычный разговор). У Ма нет сил, <какие нападки? Я хочу поговорить с тобой, ты меня отсекаешь>, Па грубеет и злится, она считает, когда хочет "поговорить" с ней. Па нападает, а она отбивается. Па – агрессор, Ма – жертва. Па нужно учиться говорить тише, Ма не повышает голос – её ведь и так прекрасно слышно. Ма говорит тихо-тихо и в сторону, когда не хочет говорить. Ма удивлена, когда Анни поступает с ней так же. Ма переживает, что дочь такая. Анни считает, что у Ма отсутствует логика.

Анни сидит в удобном мягком кресле у себя в комнате. В стене два окна, они выходят на юго-запад, родители специально отдали ей эту комнату, чтобы ребёнок получал больше света. Анни использует светопроницаемые рулонные шторы – этаж у них высокий, окна соседних домов далеко, но даже с тенями в тех других окнах Анни не хочет иметь ничего общего. Ни света, ни воздуха, ни щелей между шторами. Интерес к своей щели у неё никак не пробуждается.

К Анни не ходят парни – ни те, что старше её, ни ровесники. Па и Ма не против, чтобы эти парни ходили, они ничего Анни не запрещают, они не пили и не курили при ней до её пятнадцати, и сейчас стараются этого не делать, стараются не ссориться и не хуепиздить (не ругаться матом). Анни старшеклассница, ей шестнадцать с половиной, она девственница, но Па и Ма об этом знать необязательно. Когда держишь людей на расстоянии, о таких вещах с ними не говорят.

Ещё одно утро, Ма пропускает два первых сигнала будильника и ждёт третьего. Па не слышит ни одного, спит, поскрипывая во сне зубами и укрывшись с головой. Ма не просыпается, механически встаёт с дивана, идёт на кухню, нажимает кнопку на электрическом чайнике, уровень воды сейчас её не беспокоит, она умывается холодной, ледяной водой и теперь долирует воду в чайник из пятилитровой бутылки. Нужно сделать несколько дел одновременно, чтобы успеть выйти вовремя. Ни одно дело из-за спешки не завершено, о качестве и говорить нечего. Единственное, что удаётся Ма – одеться, обуться, поцеловать сквозь одеяло спящего Па и выйти в подъезд. Замок входной двери закрывается на два оборота, Ма дёргает ручку, проверяя, закрыта ли дверь – вдруг ей всё это снится, она уйдёт, а дверь останется открытой и к Па с Анни придут воры или убийцы-из-принципа и они не убегут и не дадут отпор, потому что спят. Ма спать некогда, Ма зарабатывает.

Следующей должна проснуться и уйти Анни. Ничего она никому не должна, конечно же. Убить время с утра и до вечера. Время, проведённое с Па – если она решит не идти в школу – зря потраченное время. Впустую растраченные десять часов жизни Анни, кто бы знал, считает она, сколько уже прожила и сколько ещё проживёт.

Последним просыпается Па. 10 или 11. Па резко встаёт с дивана, будильники не звонят и ни о чём ему не напоминают, идти ему куда не надо – так считает Ма (и другие их родственники тоже; вот же не повезло бедной Ма – безработный муж, она всё равно когда-нибудь уйдёт от него, программируют себя и Ма эти родственники, она найдёт поинтереснее и поумнее, умеющего зарабатывать и содержать семью; где-то на заднем плане этих обсуждений Ма трясёт от рвотных спазмов – гипотетические новые члены). Па сначала проверяет соцсети, пьёт холод-

ный кофе пармалат с печеньем, занимается самокопанием и самоуничижением, после кофе – сигарета, потом делает домашние дела до обеда (может пропылесосить, смахнуть пыль, лучше всего, когда нужно что-нибудь приготовить), скудно перекусывает, снова заливает в соцсетях, чистит зубы, одевается и обувается и выходит из дома.

Па параноик – весь процесс выхода из квартиры он снимает на видео: закрыв замок входной двери на два оборота, Па несколько раз дёргает ручку, чтобы убедиться, что дверь точно-точно-насовсем закрыта. Па нажимает стоп – видеонапоминание готово, убирает телефон в карман и ещё секунд двадцать насилует ручку двери – <закрыл, закрыл, закрыл, закрыл>, выходит на улицу и закуривает, так и не уверенный окончательно, закрыта ли дверь.

Ма не курит. И никогда не пробовала – ей не хочется. Не хочется попробовать ей и многие другие вещи – она знает, что такое существует и практикуется, но это не для неё. Слишком открытые платья, обильный макияж, секс во время месячных, крупнонарезанная еда. Продукты "каждый день". Ма не отстаивает своё право не делать того, чего ей не хочется – с ней никто не борется.

Па когда-то успешно боролся со своими зависимостями и пристрастиями, не раз бросал курить, пить по-настоящему ни разу не начинал (от крепкого алкоголя ему плохо и никакого удовольствия), а вот не есть жирное, жареное, держать себя в форме у Па получается отлично. Па тренируется дома, жир – ещё одна его паранойя, если он много съел (по его меркам), то ему ничего не стоит вывалить это обратно. Па ест совсем чуть-чуть, Па считает калории и искренне радуется, что дочь худая. Худая как анорексик.

Анни роется в рюкзаке Па – она знает, где он хранит повседневные деньги. Па знает, Ма знает, что Анни подворовывает. Па и Ма намеренно не прячут деньги, надеясь на осознание дочерью её неправоты. <Клептомания>, диагностирует с лёгкостью Па, который сечёт схему, который меряет по себе – мелкому воришке из супермаркетов и открытых лотков на улице. Анни ворует, чтобы быть независимой. И чем сильнее она ощущает, что зависит от родителей, тем больше денег берёт. Её время, проведённое с ними, должно хоть чего-то стоить.

Ма, стоя в метро по пути на работу, слушает музыку. Успокаивающую, ободряющую, дающую надежду или насколько грустную, что ей вдруг становится жаль каждого в этом вагоне, кроме, конечно, жирнозадой тётки, упёршей ей в живот острый край поддельной сумки майкл корс. Ма корит себя, что думает плохо о некоторых людях. Ма хочет быть всегда хорошей и внимательной к другим, вежливой и отзывчивой. Ма не злится на тётку, ей её жаль – тупая сука (ну вот опять), бедненькая, тяжело жить, когда нет ума. Когда мозги заплыли жиром, нет, нет, всё-всё-всё, бедная глупая женщина, когда ж ты выйдешь уже. <Пусть спрячет эту сумку в своих складках> – Ма в голову залез Па. Галантный и небритый. Вот и остановка, на которой Ма выходит. Тётка несколькими уверенными рывками выносит Ма из вагона. Музыка в наушниках становится тише.

Анни не останавливается и не притормаживает, убирает руки в карманы, клоуны с листовками окружили её, у них нюх на людей с руками – возьми и тут же выкинь, только возьми. Анни выходит из метро и идёт в сторону школы. В атриуме она встретится с подругой, сначала они выпьют кофе, потом пойдут в кино. В понедельник с утра в зале тихо и мало людей, что подругам только на руку. Анни не интересуется своя пизда, а пизда Лиззи (подруги) поглощает и заставляет думать, что рабство – это не так плохо. Белья на них нет и пальцам свободно, пальцам уверенно и легко, пальцы всё-всё помнят, внутрь пока нельзя (это их совместное решение), а тут и снаружи хорошо. Хорошо, когда вместо смазки не нужно использовать кровь.

У Анни в клиторе маленькая штанга, Лиззи обращается с клитором бережно, Анни просит, чтобы Лиззи ласкала сильнее, вверх, вниз, по кругу. Анни выбривает лобок перевёрнутой V, две узкие полоски волос расходятся над штангой. Лиззи оставляет одну широкую полосу, стрелку, ориентир для пальцев и языка Анни.

Па облизывает губы и усердно дробит. Получается не очень – те, от которых он раньше фонтанировал, уже не включают этот фонтан. Па перебирает в памяти одну, всех сразу, член едва заметно напрягается и снова обмякает. <блядь, давай, давай!>. Вот он видит чей-то сосок, <да, сосок, я, аааа, сосок-сосок-сосок-сосок-сосок, бля, бля> и теперь Па не упустит момент, переминается с ноги на ногу, левой рукой упёрся в стену, <сосок, волоски на соске, о сука, о сука>, сначала резко набирает скорость дробки, потом постепенно сбавляет, ослабляет захват и сперма слабой струёй капает в ванну. Па улыбается и подставляет лицо под душ.

Анни и Лиззи всегда носят с собой влажные салфетки – в кинотеатре или в парке нет возможности принять душ. Анни совсем забылась, она сосёт пальцы Лиззи, гладит ласкающую её руку, она не контролирует силу оргазма, и не хотела бы контролировать, и не знает и не верить, что это делает с ней Лиззи. Анни зажимает ногами руку Лиззи, в глазах Анни стоят слёзы, она сползает с кресла и становится на колени, подтаскивает Лиззи к себе, её пизду к себе, кусает клитор и плачет, вылизывает всё, что вытекло из Лиззи.

Лиззи кусает свой палец, чтобы не выть и не кричать.

Ма выходит на обед и водит пальцем по меню в соседнем с офисом кафе. На самом деле кушать ей не очень хочется, осталась привычка из детства или типа того, что в обед нужно кушать. У Ма короткие ногти – так легче набирать текст и строить графики. Чёртовы таблицы отнимают много времени, меню тоже сплошная таблица, выбора, наверное, нет. Ма отвлекается от работы, читая глупые новости и истории и комментарии к ним. Ма тоже есть что сказать, Ма про себя и говорит, никто её не слышит, у неё нет необходимости быть прочитанной и услышанной. Она читает, чтобы освободить голову. Освободить и заполнить снова.

Анни освобождает Лиззи.

Па помылся, включил блэк-метал и встал напротив зеркала – игра на воображаемой гитаре.

–
..Желая трахнуть мать и отца..
(song <Счастье некрофила> playing)

–
<Эти желания грели его> – продолжает Па, дальше слов не разобрать и Па мычит, соблюдая интонацию вокалиста. Когда начинается проигрыш, Па отбрасывает воображаемую гитару в сторону и плюёт в зеркало.

Использованные влажные салфетки отброшены в сторону, на три кресла вправо. Анни и Лиззи отдыхают, взявшись за руки и застав титры на тёмном экране. Анни хочет пить, у Анни пересохло во рту от Лиззи, перехватило дыхание от Лиззи, Анни сама уже Лиззи, можно не шептать – когда этот шёпот приводил к хорошему – что хочется ещё и вообще постоянно, Лиззи всё знает, Лиззи чувствует так же. Анни достаёт айдроид, задирает юбку Лиззи и делает фото её пизды, этих фото уже не сосчитать, после каждого секса пизда разная, после каждого секса Анни фотографирует. Лиззи снова течёт.

Слюна Па стекает по зеркалу, Па плюёт ещё и ещё, слюна у него кончается всё-таки, её, конечно, больше, чем спермы, но не настолько же.

–
..И время предстать перед от-цоооом!..
(song <Счастье некрофила> playing)

–
Па легко зажимает воображаемые аккорды, рычит на оплёванное зеркало, хуярит ногами по деревянной межкомнатной двери. Дохуянив до конца трека, вскидывает руки вверх и прыгает на диван. Па не разбил зеркало и Ма не будет блевать и плакать вечером.

Ма задумалась и смахнула со стола вместе с крошками чашку с чаем. Официант уверял её, что ничего страшного и платить за разбитую чашку не нужно, ведь она не специально, с

каждым может случиться. И с каждым же его новым уверением и заверением Ма краснела ещё гуще, Ма улыбалась и хотела, чтобы он заткнулся, а она быстро расплатилась по счёту и ушла. Официант скакал с веником и совком вокруг Ма, он был один, но Ма казалось, что её окружили. Крутит живот, ещё хотя бы полминуты – и обед полезет наружу, Ма роется в деньгах, а где деньги, где карты,

Анни и Лиззи выходят из торгового центра, Анни крутит брелок с ключами на пальце, Лиззи прячет глаза за солнцезащитными очками. Анни плюёт в шапку бомжу, зарабатывающему отвратительным пением (лучше б молча стоял, а так вонь сильнее расходуется) на боярышник, и ей не стыдно.

как стыдно! Ма феерично блюёт, лучше любого фейерверка, и отключается. Сюда она больше не придёт. Официант вызывает скорую и идёт переодеваться.

Па напяливает кроссовки с дыркой в пятке и переодевается для улицы. У Па есть и хорошие кроссовки, без дырок в подошве, но они не подходят к одежде. Или одежда к кроссовкам. И надо истоптать обувь до дырки побольше – и тогда не жалко выкинуть, а пока Па залил дыру герметиком для заполнения межплиточных швов в ванной <до вечера хватит> и удаляет в айдроиде вчерашнее видео о том, как он закрывал квартиру. Па с ключом в руке – значит, сейчас будет новая съёмка.

Анни и Лиззи здесь ещё не были, это новое для них место – бетонный причал на Костомаровской набережной. Лиззи жуёт жвачку, надувает и лопаёт пузыри и растягивает её, специально громко чавкает и слюни скапливаются в уголках её рта. Они сидят на бортике причала, до воды ноги не достают, Анни целует Лиззи, Анни снимает с неё очки, Лиззи рукой вытирает рот, смущённо смеётся, выплёвывает жвачку в воду – теперь она готова, играет резко очерченными скулами и закрывает глаза. У Анни кружится голова, она снова целует Лиззи, она всё это будто спиздила в счёт чего-то другого – эти моменты с Лиззи, украденные деньги стоят больше своего номинала, больше доверия Ма и Па, Анни не может прекратить думать и портит кадр. Анни целуется с открытыми глазами.

Ма открывает глаза, когда скорая подъезжает к больнице. Она очнулась раньше, чем её могли бы отвезти в какую-нибудь палату, Ма терпеть не может больницы – иглы, кровь, обязательно каждый больной – умирающий, пусть и ходит сам, и кругом грязь и разложение, глаза не обманывают Ма. Ма говорит, что уже всё в порядке и просит отпустить её домой. Фельдшер не согласен и тащит её на хуй пойми какой-то там контрольный осмотр. Ма ревёт, что сейчас она опять упадёт в обморок и испортит чистые простыночки и тряпочки, а ей ох как не хочется доставлять неудобства ещё и больнице, ещё и врачам, и медсёстрам. Фельдшер глух и падок на обессиленных женщин. Ма не успевает зажмуриться и первая попавшаяся игла затыкает ей рот. Ма хватается кого-то за воротник рубашки, потолочная плитка грязная и криво приклеена.

Па спотыкается о криво уложенную тротуарную плитку, сильно кренится вперёд, но не падает, из боковых карманов рюкзака вылетает мелочь, второй айдроид (первый лежит в кармане штанов) и ключ от квартиры. Па наклоняется, сильно покрасневший, и собирает разлетевшуюся по тротуару собственность. Стрессовая ситуация, Па закуривает и идёт в Калитники. Сразу подъезжает электричка, Па заходит в вагон и быстро ловит бинго – кто-то слушает музыку без наушников. Не так громко, электричка в движении перекрывает покрякивание из динамиков. Па достаёт книгу и пытается читать. Никак не сосредоточиться – Па стал таким чувствительным,

–
..магазин гуччи в..*

–
Следующая остановка – Люблино, осторожно..

–
..как бургер..*

—
не может отстраниться, а если он отстранится, то не поймёт смысла книги, а

—
..бургер, бургер, бургер..*

*Face – <Бургер> is playing.

—
зачем тогда читать? Бессмысленной читки Па хватило на экзаменах, Па читал, но не понимал, и зачем повторять плохой опыт и

Следующая остановка – депо, осто..

позволять мудаку плевать на всех. Па устанавливает источник звука, встаёт со своего места и идёт к нему. Спрашивает у пидора в пидорке, нет ли у него наушников, пидор спрашивает с издёвкой, сильно ли он мешает Па, <да>, пидор отвечает, что сделает потише. Па ввязывается в драку без победителя, выходит в Царицыно, переходит на другую платформу и едет домой. Па не покупает билеты на электричку.

Анни заворачивает безвкусную уже жвачку в билет из кинотеатра и бросает мимо урны, если бы урна вообще была в этом месте. Сейчас вечер, около семи, Анни и Лиззи весь день провели вместе, совсем не хочется идти домой, у Анни полно причин на это, у Лиззи всё не так драматично и беспросветно. А как, а что будет завтра, когда это – завтра, будет ли там Анни, будет ли там Лиззи, если будут, как им найти секундошки, чтобы побыть вдвоём – завтра школу пропускать нельзя, Анни никак не решается отпустить Лиззи и спуститься в метро. Лиззи в метро ни к чему, она ходит домой пешком, Анни тоже так могла бы, только сегодня она на каблуках, каблуки она возьмёт в завтра, пяточки болят, Анни засовывает руки под блузку Лиззи и напивается теплом. Соски Лиззи твердеют, она кусает мочку уха Анни и прощается. До завтра – хочет сказать Анни. Я тебя люблю, говорит Анни.

<Я тебя люблю> – Ма заканчивает разговор с Па по айдроиду. Па редко это говорит, ему страшно произносить добрые и тёплые слова. Она выжила, она может идти своими ногами и отказать Па, который хочет её забрать. Ма вернётся домой во столько же, во сколько обычно возвращается после работы, только она почти не работала, за это ей очень стыдно, она обещает себе отработать проведённые в больнице часы. Ма снова и снова проверяет, на месте ли тройка, Ма боится, что если случится приступ в метро, то её там просто затопчут и никто не сможет ей помочь. Надо было разрешить Па встретить. Ма зажимает тройку в руке и глубоко дышит. Ма входит в вестибюль и вместе с часпиковой толпой медленно подходит к турникетам. Турникет не открывается, высвечивая ноль поездок.

У Па кончились сигареты.

Анни выходит из метро – час пик никак не кончается – и, прихрамывая на одну ногу, идёт в сторону дома.

У Ма перехватывает дыхание и подкашиваются ноги. Людей становится слишком много, люди начинают гудеть и нервничать.

Па нервничает и ищет магазин. Он мог бы и не курить, он вполне может выкуривать не пачку в день, а штук пять. Па сильно привык ощущать контуры сигаретной пачки в кармане.

Ма теряет свои контуры, контуры себя самой, контуры тоннеля и эскалаторов расплываются, тройка Ма падает на пол, она не будет рисковать, не будет наклоняться, не будет, не будет, не будет. В ушах гудит, чья-то рука справа прислоняет неопознанную карточку к турникету, ворота открываются и Ма просачивается к эскалатору. Ма ещё соображает, Ма координируется и отползает в сторону. Закидывает в себя два чёрных холса и опирается о стену. Ей неловко, что приходится просить помощи у полицейского, а иначе к поездкам ей не попасть. Полицейский предлагает Ма обхватить его за руку, Ма подчиняется, они осторожно заходят на эскалатор и спускаются вниз. На платформе полицейский спрашивает, не вызвать ли скорую, Ма быстро-быстро вращает головой из стороны в сторону, поджимает губы и хрипит спасибо.

Полицейского она не убедила, он мнётся, но уходит, часто оборачиваясь в сторону Ма. Вот и поезд. Хорошо, что в метро нет расстояния между платформой и поездом, Ма заносит себя в вагон, кто-то подсказывает, заметив её бледность, и уговаривает присесть. Ма отказывается, всего три остановки, Ма тербит молнию на рюкзаке и ждёт.

Анни внутренне говнится – дома её точно ждёт Па, и ни он, ни Ма – не Лиззи, тогда Анни шла бы домой быстрее, и не пропускала школу, если бы только Лиззи так захотела. Анни звонит, Па открывает, «привет. Уверен, что сегодня в школе ты не появлялась», Лиззи хочет послать его, вместо этого молча разувается, притворно улыбается и прячется в ванной. Анни промывает больную пяточку и заклеивает пластырем. Анни садится на унитаз и долго разглядывает последнее фото на своём айдройде. Когда струя иссякает, Анни целует экран.

Ма выходит из метро, достаёт бутылочку воды, льёт себе на голову, струя течёт по спине, провоцируя мурашки. Ещё пятнадцать минут, Ма может поехать на автобусе, там духота и люди, Ма идёт пешком, бабка крошит жёсткий крекер голубям, приговаривая что-то о засушливой манде. Ма не принимает это на свой счёт – мало ли о чём или о ком эта бабка, может, она о себе, а может о дочке или внучке, которая забила на неё и не навещает, не звонит хотя бы раз в неделю. Ма заходит в магазин и не покупает ничего – на кассе до Ма доходит, что с обеда денег у неё не прибавилось. Она оставляет кассиру эту крохотную бутылочку, как раз хватило бы, чтобы дойти до дома и не засохнуть. Ма останавливается, расчёсывает влажные волосы, убирает расчёску в рюкзак, молнию заедает, Ма с ней не борется и продолжает движение.

Па заело этим бургером из электрички, Па смотрит на костяшки пальцев в ссадинах; звонит Ма, он берёт сигарету и идёт встречать её.

Анни не выйдет их встретить.

Па пользуется лифтом тогда, когда ему нужно вверх. Вниз он почти бежит, перепрыгивая по три-пять ступенек за шаг.

Шаг у Ма короткий, она так сильно хочет домой, а ускориться не может. Вот она у подъезда, обнимается с Па, хочет его поцеловать в губы – крепко-крепко, резко отшатывается в сторону и картинно морщится – Па курил. Они садятся на лавку на детской площадке, Ма рассказывает долгий день, долгую часть дня, Па сочувствует, Па проникается и грустит, переживания заставляют стиснуть зубы и он увядает, ему завтра не просыпаться с утра пораньше, а Ма нужно, она не возьмёт выходной посреди недели, она так не может, Па знает это своё выражение лица – коровьи глазки, когда невозможно терпеть и хочется встать на металлическую решётку под напряжением.

Пока родителей нет, Анни возится на кухне, варит кофе, решётки на газовой плите прогорели – такая она старая, такая она печальная, если сильно ударить сковородкой или кастрюлей, решётка осыпается чёрными и чёрно-рыжими хлопьями. Анни спешит и торопится, Анни смахивает пену и наливает кофе в чашку. Чашка белая, но налёт от напитков на внутренних стенках уже плохо отмывается.

Ма и Па наконец-то наговорились и заходят в подъезд, Па вызывает лифт, они грузятся и ползут наверх. Ма кладёт голову на плечо Па, «тебе опять плохо?», лифт добирается до нужного этажа.

Анни гладит плечо – будто кто-то её укусил – и готовится молчать, когда с ней попытаются заговорить. Хочется в туалет.

Ма и Па заходят домой, Па хочет в туалет, но Ма говорит, что сначала нужно вымыть руки. «Да я сейчас обоссу всю квартиру». Ма мотает головой – ничего не знает, ей нужно, чтобы Па терзал свой хуй исключительно чистыми руками – он же суёт его в неё, а не в какую-нибудь другую Ма, она надеется. Па бежит в ванную, видит унитаз, но ещё так долго, открывает кран, Па топчется на месте, как и все мы здесь, выдавливает жидкое мыло – опасная первая капля уже впиталась трусами, намыливает руки, ополаскивает и поворачивается к унитазу. Пластиковый звук неподнятой крышки.

Анни прислушивается к звукам из-за двери. Цели нет, её не попросят открыть дверь или выйти. Когда шум становится ровнее, Анни раздевается.

Ма идёт в душ, Па сидит на кухне и, слушая шум воды, играет в маджонг. Ма отмывается, желает спокойной ночи Па и двери в комнату Анни, ложится и вырубается. Па ищет айдроид Ма – тот, что с ежедневным будильником – и кладёт на столик рядом с диваном, второй её айдроид он ставит на зарядку.

Анни вытягивается на диване и включает бесшумный – как сказать – вибратор.

Па заходит на ютуб и вытягивается на кухонном полу, головой на батарее.

Ма спит.

Анни конвульсивно оргазмирует.

Па дробит на видео из раздела public, где актёры разыгрывают сценки съёма обычных сучек, прохожих, за деньги. Па переключается с одного видео на другое – не может кончить, финал видео никак не удаётся авторам, он считает. Фальшивые деньги, фальшивые актёры, когда очередной сучаре заливают пизду спермой, Па удовлетворяется. Па не смотрит видео, где видно лица мужчин.

Ма спит.

Анни засыпает с рукой между ног.

Па моет измождённый хуй. Идёт на кухню за салфетками и вытирает пол. Обновляет твиттер, листает и идёт на диван к Ма.

Ма и Па спят.

Анни спит.

В субботу, в выходной Ма, первый семейный день за долгое время. Семья идёт в музей или галерею, Ма не помнит точно. <Галерея>, подаёт голос Па, <сначала Герман Нитч, потом – флюксус>. Ма до ебени жопы что первое имя, что второе (это имя? Название? Место?), Па разбирается в этом намного лучше, он успел заинтересовать этим и Анни – сегодня, в принципе, её день, для неё этот выход и траты. Анни может это оценить, на что очень рассчитывают родители.

Анни взволнована и рассержена, просчитывает и оценивает ситуацию. Отказывается от завтрака, торопится выйти. Венские акционисты против Лиззи. Флюксус против Лиззи. Анни заранее ворует деньги для серьёзных мероприятий, для мероприятий, уводящих её от дома как минимум на две-три станции метро. Лиззи увидит Нитча завтра – с помощью Анни. Лиззи удивится, Лиззи взмокнет – с участием Анни. Лиззи будет водить пальцами по пояснительным табличкам и проговаривать текст – имена, года, предустановленный смысл, экспозиция оборвётся лестничным переходом, Анни и Лиззи уверены, что хотят продолжить. Сегодня Анни надела нижнее бельё, поэтому ей срочно нужно поменять трусы.

И как бы Па и Анни не убеждали Ма, поменять её отношение к этим художникам и акционистам им не удалось. Ма ни капельки не поняла, разглядывая "картинки" и объекты, видео не зашло ни с первого, ни со второго раза. Ма хочет в Третьяковку – мишек в лесу и понимать не надо, смотри и наслаждайся, а плексиглас – ну, это как-то тупо. <Плексиглас? А может, это были сексус, плексус и нексус?>. Ох как Па не любит, когда Ма ничего не запоминает. Когда путает такие простые вещи, такие очевидности для базово образованного культурного человека. <Почему для тебя это тупо?>. А Ма ох как не любит вопрос почему от Па. Да просто так, тупо и всё. <А что НЕ тупо? Что, по ТВОЕМУ мнению, не тупо?>. Ма давно уже знает, что не надо вступать в эту игру Па, не надо отвечать ему, провоцируя на ещё большие расспросы, но и молчать нельзя – тогда Па заебёт её каким-нибудь одним единственным вопросом, формулировку которого он забудет, повторив его несколько раз вслух. Стоит Ма слегка переформулировать вопрос, как Па теряется, вспоминает и не может вспомнить, ЧТО он хотел узнать у Ма. Сейчас Ма делает робкий заход – наверное, опрометчиво – и вступает в игру тупо-не тупо, называя

Анни играет дочь.

Айвазовского, Куинджи, ээ, Ма вспоминает, вспоминает, Лукас Кранах. <Какой из всех? >. Ма дёргает свои пальчики, она недавно видела эти имя и фамилию под какой-то картиной в непонятном паблике, вспоминает, вспоминает – были ли там ещё какие-то подписи, этих Кранахов сколько вообще? Может, это название группы художников – как плексиглас, как венские акционеры. Ма огрызается – в том смысле, чего Па пристал к ней, она не претендует на должность искусствоведа или критика, она хочет смотреть – композиция, построение кадра. <А в каком стиле писал Айвазовский?>. Па не слышит последней реплики Ма. Ма не слышит Па, зря она поддалась и сыграла, такой хороший день, а Кранахи и Па сейчас испортят его, сольют, как

Анни сливается со своим айдроидом.

будто у Ма слишком много хороших дней в будущем и надо бы уменьшить их количество, чтобы и другим хватило. Ма не хочет делиться.

После галереи семья идёт в кафе, у Па сильно перекошено лицо ещё и из-за этих трат, хотя он и говорит, что плевать ему, он не зарабатывает и это не его деньги, Ма знает лучше него, как ей распорядиться своими деньгами. Ма думала, что они сходят в кафе и выпьют кофе или сидра, поговорят о чём угодно, только не о её работе, да и покушать стоит, культура очень энергозатратна. Ма избегает неудобств и раздражённого Па любыми способами, которые знает, которые уже использовала, только вот результат обычно сильно её расстраивает. Ма стала такой обидчивой.

Ма останавливается и говорит Па, что в кафе идти необязательно, они зайдут в магазин и купят хорошие чесночные багеты или чабатту с оливками, а кофе возьмут в кофикс – Ма там ещё не всё попробовала. <Нет-нет, пошли-ка в кафе. Я согласен. Возьму тёмного вязкого пива, а вы выпьете и съедите, что запланировали>. Ма передумала, Ма теперь вообще домой хочет. <Пошли в кафе! Есть, пить, тратить бабки! Пойдём!>. Ма домой хочет. <Что не так-то опять?! >. Ма стоит на месте, Ма наполнена слезами. Па трогает её за плечо, Ма резко поворачивается, чтобы сбросить руку. <Начинается, блядь...>. Ма достаёт бумажные платочки и быстро уходит от Па.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.